

ИРИНА КАЛИТИНА

ОБЫЧНЫЙ ПИТЕРСКИЙ ДОМ

12+

Ирина Калитина

Обычный питерский дом

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Калитина И.

Обычный питерский дом / И. Калитина — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

Девяностые годы, пустые прилавки в магазинах. Четырнадцатилетняя девочка интересуется у бабушки, как она выжила в блокаду.

© Калитина И., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Ирина Калитина

Обычный питерский дом

Старый дом на одной из центральных улиц города, большой, тёмно-серый, загадочный, с высокой аркой, погнутыми воротами, сырыми подъездами, – отчий дом моей бабушки. Когда-то мне часто приходилось бывать там.

В эпоху дефицита у деловой мамы получалось отоваривать талоны, то есть доставать продукты для нашей семьи и для пожилых родственников, живущих в этом самом доме, чтобы не стоять им в очередях. На выходные дни бабушка, живущая с нами, уезжала навещать сестёр и брата, а меня посылали тащить сумку с продовольствием. Восторга от этой обязанности не испытывала, но не возражала помочь слабым.

Мне исполнилось 14 лет, настолько же самоуверенных, насколько и наивных. На пороге последнего десятилетия двадцатого века мы собирались с одноклассниками в квартирах или на дискотеках, слушали музыку, вслед за своим кумиром требовали перемен.

Перемены наступали по всем направлениям: хмурые лица учителей и родителей, «Лебединое озеро» длившееся целый день, фигура руководителя страны на танке вместо привычного для народа мавзолея или, в крайнем случае, броневика.

Сотрясалось незыблемое: писали, что напрасно советские люди выиграли войну, зря не сдали город, слишком много жертв. Появились неоднозначные мемуары о голоде, о страхе смерти, о спекуляции, о предательстве и, даже, о каннибализме.

Напряжённая обстановка в стране, пустые прилавки, неуверенность взрослых в завтрашнем дне натолкнули меня, ребёнка, на мысль поинтересоваться у слабенькой старушки, как ей удалось пережить блокаду, в результате чего появились папа и я.

Итак, 10 остановок на троллейбусе, и мы около дома, очень подходящего для романов Достоевского или для исследований специалиста туберкулёзного диспансера.

Лифт, как правило, был неисправен или непригоден для использования: хулиганы и «мешочники», приезжавшие продавать свой товар около вокзала, напротив которого стоял этот дом, справляли в кабине нужду.

Высота потолков в квартирах – четыре с половиной метра плюс диаметр деревянной балки.

Я мрачно перекидывала тяжёлую ношу через плечо и начиналось медленное восхождение.

Бабушка, пожилой «скалолаз», останавливалась, оглядывалась на проходивших мимо людей, жаловалась шёпотом, что прежде в каждой квартире жили знакомые, а теперь она никого не знает.

Третий этаж казался пределом её возможностей. Она ставила сумку на подоконник, дышала открытым ртом, грудью и плечами. Я считала этот этаж критическим, радовалась, что наша семья жила на втором.

Наконец, доползали до четвёртого.

Бабушка открывала своим ключом дверь. Мы снимали верхнюю одежду, проходили в чисто прибранную кухоньку, давно требующую ремонта, вытаскивали продукты из сумки, садились за стол выпить чаю с пирожком «от хозяек квартиры», и мне можно было отправляться восвояси. Никакого притяжения к дому с вонючим лифтом, заплёванной в перестроечные годы лестницей и запахом какой-то «древности» в квартире не испытывала.

Не помню, почему мне за чаем пришла мысль прояснить вопросы выживания в трудных условиях.

– Бабушка, нам по литературе задали написать сочинение на тему: «Памятный день войны» по рассказам родственников.

– А, если таких нет в семье?

– Памятный день собственной жизни.

Проблем с фантазией не было, я могла придумать ещё много тем.

Бабушка вспомнила, как в начале войны на соседний дом упала бомба, разрушив его, а тот, в котором мы с ней сидели, подпрыгнул, задрожал и закачался. В гостиной собралась семья. Какие-то секунды все думали, что погибают, но здание устояло. А, отца, моего прадеда, они потеряли, не выдержало больное сердце.

– Работал машинистом на железной дороге, за всю жизнь мы, дети, не слышали от него, даже, слово «чёрт», такой хороший был человек, а теперь мат на каждом углу, – вернулась моя старушка в наши дни, военные воспоминания на этом закончились.

– Бабушка, это не подойдёт для сочинения, где же здесь опыт выживания? Нет ни голода, ни борьбы за победу, может быть, ты вспомнишь ещё какой-нибудь день?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.